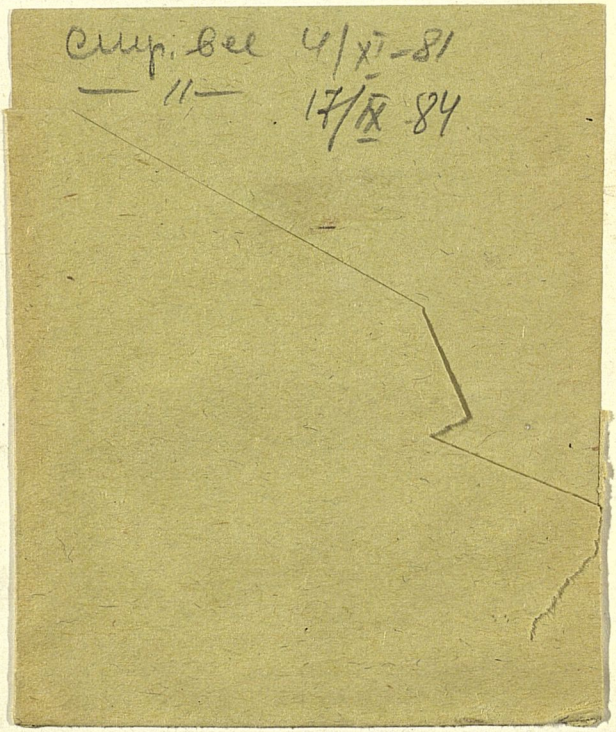
49
N275

N 49/275



1865
A.

N 13/275

ВАСИЛІЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ

ГРИГОРОВИЧЪ-БАРСКІЙ.

ЗНАМЕНИТЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ XVIII ВѢКА.

СОСТАВ.

В. А.

ф31-1289

КІЕВЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГУБЕРНСКАГО ПРАВЛЕНІЯ.

1854.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Кіевъ. 16 Декабря 1854 г.

Цензоръ Д. Мацкевичъ.

2007465647

ГРИГОРОВИЧЪ-БАРСКІЙ

ВАСИЛІЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Просвѣщенному путнику, посѣщающему святыню Кіева, показываетъ небольшой, почти вросшій въ землю, надгробный памятникъ, лежащій съ сѣверной стороны Великой Богоявленской Церкви Братскаго монастыря. На чугунной доскѣ, вдѣланной въ стѣну, онъ читаетъ на первой же строкѣ имя Василія, который «ступаніемъ своимъ и пядію измѣрилъ» большую часть Европы, всю Азію и часть Африки,—и преклоняется просвѣщенный путникъ съ благочестивою молитвою надъ могилой знаменитаго странствователя....

Въ 1648 году, по случаю гоненія, воздвигнутаго на православныхъ Христіанъ католиками и уніатами, и возникшаго, въ слѣдствіе того, кро-

ваваго междоусобія въ странахъ, бывшихъ въ подчиненіи Польской коронѣ, прибылъ въ Малороссію изъ города Бара, что на Подоліи, нѣкто Иванъ Григоровичъ со всемъ своимъ семействомъ. Старшій изъ сыновей его, Кириллъ, принялъ монашество, и подъ именемъ Кассіана вступилъ въ Кіево-Выдубицкій монастырь, гдѣ и проживалъ, преуспѣвая въ иноческихъ подвигахъ, и за благочестіе свое пріобрѣтши званіе духовника. Младшій же, Григорій, женившись въ Малороссійскомъ селеніи, называемомъ *Літки*, перешелъ въ Кіевъ, гдѣ занялся торговлею, пріобрѣтши себѣ небольшой домикъ въ подмонастырской Печерской слободѣ. Послѣ же моровой язвы, свирѣпствовавшей 1710 года въ Кіевѣ, онъ перешелъ на Подолъ, и поселился близъ Соборной Церкви Успенія Пресвятой Богородицы, тамъ гдѣ донынѣ стоитъ домъ потомка его, Кіевскаго 2-й гильдіи купца, А. А. Барскаго.

Сей-то Григорій Григоровичъ былъ отцомъ знаменитаго нашего путешественника. Въ 1701 году родился у него сынъ Василій. Грамотный и искусный въ церковномъ пѣніи, отецъ началъ самъ давать ему первоначальные уроки, и рѣшилъ было на томъ остановиться, не желая отдавать сына своего ни въ какія школы, ибо видѣлъ, какъ замѣчаетъ потомъ въ своей автобіографіи Василій Барскій, «въ ученыхъ излишнее прѣніе, гордость, упрямство, славолюбіе, «зависть и прочіе обыкновенные ихъ пороки. и «мня, яко отъ науки имъ сія бываютъ, а не «отъ самовольнаго произволенія» Напрасно юный

сынъ умолялъ упорнаго отца, напрасно ходатайствовала за него умная и нѣжная мать, Григорій Григоровичъ оставался непреклоннымъ и строго заказалъ сыну своему Василію хорошенько учиться у домашняго учителя, взятаго однакожь изъ Кіевской Академіи. Не вытерпѣлъ такого насилія пылкій юноша: вывѣдавъ отъ наставника своего о порядкѣ пріема въ училище, отправился одинъ, и явился прямо къ знаменитому Ѳеофану Прокоповичу, бывшему въ то время Ректоромъ Академіи. Разсказавъ ему подробно о бѣгствѣ своемъ изъ родительскаго дома, и обнаруживъ такимъ образомъ передъ просвѣщеннымъ мужемъ непреоборимую жажду познаній, Василій Григоровичъ воротился домой уже ученикомъ, зачисленнымъ въ Кіевскія школы. Какъ ни непріятно это было своенравному отцу, но дѣлать было нечего: силою взять сына изъ училища было опасно, тѣмъ болѣе, что протекторомъ его явился человѣкъ сильный и всѣми уважаемый, да и юный школьникъ не легко бы согласился на то, поддерживаемый своею матерью.

Такимъ образомъ Василій Григоровичъ началъ проходить ученіе въ низшихъ Кіевскихъ школахъ, хоть и въ эту пору отецъ все таки не оставлялъ его въ покоѣ. «Многажды, говоритъ онъ, и послѣ «покушался развращать меня словесы своими и «совѣтовалъ оставить мало потребную сію науку, «и въ церковномъ упражняться пѣснословіи и «чтеніи: но видя во мнѣ нѣкую къ сему непре«оборимую, естественную склонность и охоту, «прочее остави мя мирна.» Такъ рѣшительность

юнаго прозелита науки побѣдила закоренѣлое предубѣжденіе своенравнаго мужа!

Василій Григоровичъ откровенно сознается въ своей автобіографіи, что «онъ не силенъ въ «наукѣ былъ, обаче прошелъ малыя школы даже «до Риторики.» Смѣло можно принять такое сознаніе выраженіемъ скромности, потому что всѣ сказанія его о своемъ путешествіи могутъ послужить явнымъ обличеніемъ превосходныхъ успѣховъ его въ низшихъ классахъ. Главный предметъ, которымъ тогда занимали въ нихъ учениковъ, былъ языкъ латинскій. Намъ теперь кажется непонятнымъ, для чего такъ много расходовалось лѣтъ и трудовъ на изученіе этого совершенно мертваго нынѣ языка, но тогда это было нужно, ибо уваженіе къ языку латинскому во всѣхъ европейскихъ училищахъ было общимъ, и отличное знаніе его почиталось необходимой потребностію всякаго образованнаго человѣка. Съ другой стороны онъ былъ крайне необходимъ Русскимъ, состоявшимъ подъ польскимъ владычествомъ: въ судахъ, сеймахъ и сеймикахъ другаго языка не употребляли. Сильвестръ Коссовъ съ своей Апологіи говоритъ слѣдующее: «самая главная на«добность въ латинскихъ школахъ та, чтобы «бѣдной Руси нашей не называли глупою Русью. «Поѣдетъ бѣднякъ Русинъ на трибуналъ, на «сеймъ или на сеймикъ въ уѣздный городской «судъ или земскій, глядишь—bez łaciny płaci «winy (безъ латини безъ вины виноватъ). Ни «судьи, ни стряпчаго, ни ума, ни посла. Смот-

«ритъ только то на того, то на другаго, вытара-«щивъ глаза, какъ ворона.»

Василій Григоровичъ не глядѣлъ вороною, когда приходилось ему въ многоразличныхъ столкновеніяхъ съ людьми во время своего путешествія, говорить по латинѣ. А научаться этому языку онъ долженъ былъ въ низшихъ классахъ, гдѣ такъ строго требовали отъ учениковъ отчета въ этомъ, гдѣ были и auditores и calculi и sabbativa. (*) Можетъ быть сравнительно съ другими своими сверстниками, онъ былъ и точно слабѣе ихъ: но все же видно, что не былъ послѣднимъ изъ учениковъ.

Риторическому классу Григоровичъ едва ли не больше всѣхъ другихъ обязанъ тѣми свѣденіями, которыя разсыпаны на каждой страницѣ его путеваго Дневника. Не говоря уже о томъ искуствѣ владѣть перомъ, по которому онъ можетъ равняться съ извѣстнѣйшими писателями своего времени, не говоря о стройности и плодовитости изложенія, которыя свидѣтельствуютъ

(*) Auditor—авдиторомъ назывался одинъ изъ учениковъ, поставленный для выслушанія ежедневныхъ уроковъ извѣстнаго числа своихъ сотоварищей, степень знанія или незнанія которыхъ онъ отмѣчалъ въ особой тетрадкѣ, называемой *нотатою* (notata) или *эрратою* (errata). Calculum былъ бумажный сверточекъ въ футлярѣ. Это было тоже, что нынѣ черная табличка въ нашихъ заведеніяхъ, особенно женскихъ, навѣшиваемая тѣмъ, кто плохо или вовсе не говоритъ по иностранному. Calculum этотъ всякій изъ учениковъ старался какъ можно сбыть съ рукъ другому, потому что дѣло могло быть очень плохо, если онъ какъ нибудь переночевалъ бы у кого либо. Sabbativa—субботки для лѣнивыхъ учениковъ бывали крайне непріятны.

объ отличныхъ его успѣхахъ въ наукахъ словесныхъ:—изумительныя, по своему времени, свѣденія въ Естествознаніи, Географіи, Исторіи, Этнографіи, Статистикѣ, Архитектурѣ, Геологіи, Коммерціи, Живописи, Музыкѣ, словомъ, во всемъ, что входитъ въ составъ такъ называемыхъ свободныхъ наукъ (artes liberales), указываютъ, что Григоровичъ былъ однимъ изъ первѣйшихъ учениковъ начальнаго класса собственно Академіи, и сознательно учился тому, что въ послѣдствіи такъ прекрасно умѣлъ приложить къ дѣлу. Нужно прибавить къ этому и тѣ твердыя познанія въ христіанскомъ Догматословіи, въ Исторіи Церкви, въ Археологіи и Екклезіастикѣ, которыя дѣлали его такъ непоколебимымъ на пути православія среди встрѣчавшихся ему дебрей нечестія, кривотолкованій, суевѣрія и предразсудковъ. Ясно видится, что предки наши незнакомы были съ гибельнымъ *прогрессомъ*, и отлично понимали дѣло образованія, полагая въ основаніе его твердый камень Вѣры.

По классу Философскому Григоровичъ дошелъ только до первыхъ Философскихъ началъ. Причиною этою была внезапно открывшаяся на ногѣ его жестокая язва, которая не позволяла ему даже встать съ мѣста. Будучи вынужденъ прекратить ученіе, онъ обратился къ медицинскимъ пособіямъ, но и это не помогло: «врачемъ бо «тогда, замѣчаетъ Григоровичъ, въ Кіевѣ не- «искуснымъ сущимъ и многимъ приходящимъ «и премѣняющимся и деньги не малы взявшимъ, «но не возмогшимъ исцѣлити мя, и сице мимо

«иде время кромѣ ученія.» Казалось, все вело къ тому, чтобъ нашему знаменитому путешественнику оставаться въ неизвѣстности, войдя въ общую колею, по которой шли его братья: науки были оставлены, болѣзнь не позволяла ему и думать о томъ, чтобъ предпринять дѣло, которое должно было увѣнчать его славою. Но, по распоряженіямъ Промысла, то самое, что, по видимому, должно бы служить препятствіемъ, сдѣлалось средствомъ къ достиженію того, о чемъ съ дѣтства своего грезилъ Григоровичъ. (*) Одинъ изъ студентовъ Академіи, сотоварищъ и сверстникъ его Іустинъ Линицкій отправлялся тогда въ Лембергъ (Львовъ) для усовершенствованія себя въ высшихъ наукахъ. Григоровичъ, узнавъ объ этомъ и имѣя между прочимъ въ виду и то, чтобъ посовѣтоваться на счетъ своей болѣзни съ искуснѣйшими врачами, предложилъ ему себя въ сопутники. Старика Григоровича не было дома, онъ отлучился тогда куда-то въ дальній путь по дѣламъ торговли, и потому мать никакъ не соглашалась сама собою отпустить сына: но слезныя его просьбы, опасеніе упустить такой удобный случай, а главное надежда получить облегченіе въ терпимой боли поколебали нѣжную мать. Скрѣпивъ сердце, она собрала его въ путь, благословила и отпустила. Не успѣли

(*) Родной братъ его Кіевской мѣщанинъ и тамошняго Магистрата *Райца* пишетъ: «имѣлъ еще съ дѣтскихъ лѣтъ «охоту видѣть чужія страны, что и самымъ дѣломъ испол«нилъ.» См. Предислов. къ Путешеств. Барскаго, Издан. 1778 г. стран. 10.

молодые путешественники отъѣхать отъ Кіевской границы, какъ увидѣли слугу, который мчался на конѣ вслѣдъ за ними, и привезъ Василію Григоровичу строгій наказъ отъ отца немедленно воротиться домой. Но онъ отослалъ слугу обратно съ низкимъ сыновнимъ поклономъ — до неизвѣстнаго свиданія.

И такъ жребій былъ брошенъ. Съ пылкой головой, съ крѣпкими силами, въ самомъ цвѣту весеннихъ дней своей жизни, на двадцать второмъ году возраста, Василій Григоровичъ оставилъ отчій домъ, чтобъ потомъ воротиться въ него измученнымъ отъ долгаго странствованія, знакомымъ со всѣми скорбями и лишеніями, съ утратой силъ и здоровья, съ богатѣйшимъ запасомъ свѣденій и подъ иноческимъ клобукомъ Антіохійскаго монаха.....

По прибытіи во Львовъ, Григоровичъ прежде всего озаботился своею болѣзнію, и при помощи искуснаго врача въ скоромъ времени получилъ полное выздоровленіе. Надо было подумать теперь о томъ, какъ бы поступить въ число слушателей Іезуитской Академіи; молодымъ людямъ надобно было соблюсти строжайшее инкогнито, ибо иначе ихъ, какъ православныхъ, не только не приняли бы въ училище, но выгнали бы изъ самаго города; особенно Львовскіе ученые не терпѣли воспитанниковъ Кіевской Академіи, питая къ нимъ личную ненависть, какъ къ людямъ, которые всегда и во всемъ мѣшали ихъ честолюбивымъ замысламъ. Это были все тѣже завистливые и коварные Іезуиты, которые въ пер-

выхъ годахъ XVII столѣтія, посредствомъ клеветы и коварства, подняли буйную и невѣжественную толпу съ огнемъ и мечемъ на ненавистную имъ Кіевскую Коллегію, и которые потомъ въ 1658 году истребили ее въ пламени страшнаго пожара. Надо было съ такими людьми быть «мудрымъ, яко змія и цѣлымъ, яко голубь.» Григоровичъ съ товарищемъ своимъ стали присматриваться къ существующему во всемъ порядку, перенимали нарѣчіе и обхожденіе Іезуитскихъ воспитанниковъ, и наконецъ оставивъ настоящія свои фамиліи, назвались родными братьями, по прозванію Барскими, якобы уроженцами изъ города Бара, Подольской губерніи. Съ этимъ они явились къ Префекту, который, распросивъ ихъ о мѣстѣ прежняго ихъ воспитанія и удовольствовавшись хитро и искусно придуманными отвѣтами, допустилъ ихъ 1724 года къ слушанію уроковъ въ классѣ Реторики.

Но не прошло десяти дней, какъ новые сотоварищи ихъ стали подозрѣвать истину. Почеркъ ли письма, самыя ли сочиненія, или наконецъ особенность въ выговорѣ польскихъ словъ навели ихъ на это, только они прибѣгли къ хитрой выдумкѣ, употребивъ средствомъ къ тому подложное письмо изъ Кіева. Хоть наши путешественники и не попали въ разставленныя имъ сѣти, но въ слѣдствіе сильнаго подозрѣнія съ безчестіемъ были выгнаны изъ Академіи. Любопытенъ разсказъ объ этомъ самаго Григоровича.

«Префектъ, написавъ эксклюзію, си есть, изгнаніе и пригвоздилъ на вратѣхъ внѣшнихъ

«Академіи. Предъ окончаніемъ, егда уже надле-
«жало исходить Профессорамъ со ученики изъ
«школъ, пріиде въ Риторическій классъ, и при-
«вѣтствовавъ учителя нашего латински, таже
«рекъ: «согрѣшихъ въ невѣденіи и сочетахъ
«овцамъ прокаженная козлища.» Всѣмъ же со-
«зирающимъ другъ на друга и удивляющимся
«реченію, абіе зва насъ по именамъ, и повелѣ
«намъ изыти изъ школы; намъ убо изшедшимъ
«въ пріосѣненіе *(въ сѣни)*, рече: бѣгите отсюду,
«лицемѣры, и ктому здѣ не возвращайтеся! «Мы
«же отвѣтствовахомъ: каковой ради вины, чест-
«ный отче? Рече намъ: понеже познастеся, яко
«волки есте отъ лѣсовъ Кіевскихъ. Отвѣщахомъ:
«никако же. Паки рече къ намъ: писаніе роди-
«телей вашихъ, отъ Кіева посланное, дойде въ
«руки моя. Мы же, познавше, яко хитрость зло-
«творныхъ людей есть, рекохомъ: яко чуждое и
«притворное можетъ быть посланіе, истинное
«же никако же, и молихомъ, да намъ его по-
«кажетъ. Префектъ же болѣе возъярися и рече:
«аще до показанія пріидетъ, злѣ пострадати имате.
«Мы же давше мѣсто неправедному гнѣву, по-
«клонившеся отыдохомъ, и прежде даже не
«изыти ученикомъ изъ школъ, проходящи врата
«Академіи и видящи прибитую противу насъ на-
«писанную ексклюзію, то есть причину изгнанія
«нашего, прочтохомъ ю въ кратцѣ *(проворно)*;
«заключашеся же въ ней разумѣніе *(смыслъ)*
«сицево: «понеже Іустинъ и Василій, по про-
«именованію Барскіи познашася, яко изъ странъ
«Кіевскихъ суть, и противны Каѳолической Рим-

«ской церквѣ, для того по регуламъ и правамъ «Академіи нашей Іезуитской Львовской неимутъ «въ ней мѣста, но изгоняются явѣ.» Сія про- «четши, идохомъ скоро въ домъ свой, премѣ- «нивши стыдъ на дерзость, печаль же на радость, «разсуждающи, яко вина изгнанія нашего, не «токмо бысть не безчестна, но еще и честна, «егда явѣ въ семъ градѣ прославища насъ, яко «есьмы православные Христіане, сыны Восточной «Апостольской Церкви, и противны неправославно «и еретически мудрствующимъ симъ послѣднимъ «и новопроявившимся вымысленникамъ и чадамъ «Западно-Римской церкви.» (*)

(*) Всѣ извлеченія въ этой статьѣ заимствуются изъ книги: *Пѣшеходца Василія Григоровича-Барскаго—Плаки—Албова Путешествіе къ святымъ мѣстамъ въ Европѣ Азіи и Африкѣ находящимся.* Изд. въ С.-Петербургѣ 1778 года. Изъ заглавія этой книги замѣчается, что у Григоровича, кромѣ придуманнаго имъ себѣ прозванія: *Барскій* было и еще два: *Плаки* и *Албовъ*. Первое онъ самъ употребилъ въ первый разъ въ отвѣтномъ письмѣ своемъ Резиденту Россійскаго Двора въ Константинополѣ Алексѣю Андреевичу Вѣшнякову, а потомъ тоже слово встрѣчается въ свидѣтельствѣ, данномъ Барскому отъ Ватопедскаго монастыря. Прозваніе: *Албовъ* находимъ въ первый разъ въ фирманѣ Султана Махмута, выданномъ Барскому, по паспорту Вѣшнякова, гдѣ онъ названъ просто Василіемъ Кіевскимъ. Всѣ эти прозванія нашъ путешественникъ употреблялъ безъ всякаго разбора: въ одномъ мѣстѣ онъ называетъ себя Василіемъ Плакою, въ другомъ просто Василіемъ Кіевскимъ или Кіевлянкиномъ, а нидѣ Албовымъ: но нигдѣ не видно, чтобъ онъ вовремя продолжительнаго путешествія своего гдѣ нибудь назвалъ себя наслѣдственной своей фамиліей Григоровичей. Непонятно, съ чего онъ вздумалъ приложить къ себѣ прозванія Плака и Албовъ. Преосвящ. Митрополитъ Евгеній говоритъ, что слова эти въ переводѣ съ греческаго и латинскаго означаютъ фамилію *Бѣлявыхъ:* (Словарь Историч. о бывшихъ въ Россіи Писат. Духовнаго чина Т. I. стран. 69): но съ какой же стати Барскій рѣшился

Послѣ такой неудачи Григоровичъ, начавшій прибавлять съ сихъ поръ къ своей фамиліи придуманное имъ прозваніе: *Барскій*, думалъ воротиться въ Кіевъ, «мерзящи, какъ онъ говоритъ, «необычно, яко всѣ церкви Русскія и монастыри «вольною и невольною повреждены бяху Уніею.» Къ этому побуждало его еще и то, что вышедши изъ дому въ небытность отца, онъ не запасся достаточно деньгами, чтобъ жить безбѣдно заграницей. Но товарищъ его Линицкій ни за что не хотѣлъ подарить нанесеннаго имъ безчестія и разными путями достигъ того, что ихъ обоихъ снова приняли въ Іезуитскую Академію, изъ уваженія къ ходатайству уніатскаго епископа Аѳанасія Шептицкаго. Около двухъ недѣль ходили они въ школу, торжествуя надъ своими врагами: но наконецъ, опасаясь чего либо худшаго со стороны папистовъ и уніатовъ, рѣшились вовсе оставить училище. Въ эту-то пору въ молодыхъ и пылкихъ головахъ вполнѣ образовалась мысль о далекомъ путешествіи. Барскаго нѣсколько останавливала недостача денегъ: но Линицкій все взялъ на себя,—и дѣло было кѣ-

---

приписать себѣ эту фамилію, хоть бы даже и въ иностранномъ переводѣ, когда на это нѣтъ никакого указанія въ біографіи, составленной роднымъ его братомъ? Болѣе не къ чему отнести это, какъ къ капризу нашего путешественника; замѣтно только, что онъ вездѣ отдаетъ преимущество прозванію: *Барскій*, подъ которымъ онъ въ послѣдствіи и сдѣлался извѣстнымъ всей Россіи. Такъ какъ онъ самъ соединилъ это прозваніе съ родовою своей фамиліей: то и долженъ оставаться при немъ, безъ прибавленія словъ Плака и Албовъ, употребленныхъ имъ безъ всякаго на то права и точнаго значенія.

шено. На ихъ счастье, одинъ вдовой священникъ, изъ уніатовъ, сбирался, по обѣту, идти въ Римъ. Не долго думая, пристали къ нему и наши пилигримы. Въ выданныхъ имъ свидѣтельствахъ значилось: «такіе-то Руссы отъ области Польской, «студенты школъ Львовскихъ путешествуютъ въ «Римъ, и проч. 8 Апрѣля 1724 года.

Нѣсколько дней спустя, на дорогѣ къ селенію Криницѣ, видны были четверо молодыхъ здоровыхъ путниковъ. Всѣ они одѣты были одинаково, по пилигримски: черные халаты съ неразрѣзанными полами, перепоясанные ременнымъ поясомъ; у каждаго изъ путниковъ висѣлъ на груди крестъ, съ боку кубышка для воды, за плечами мѣшокъ изъ черной клеенки; на плеча ихъ наброшенъ короткій плащъ; ноги, обутыя въ сандаліи, переплетены до колѣнъ ремнями; на головѣ круглая шляпа съ большими полями; въ рукахъ увѣсистый посохъ вровень съ человѣкомъ, красиво выточенный и выкрашенный черною краской. Между этими пилигримами отличается одинъ высокимъ ростомъ, статью и веселымъ лицомъ, дышащимъ отвагой и рѣшительностью. Все привлекаетъ любопытствующее его вниманіе; на всемъ останавливается быстрый и испытующій взоръ его, и на короткихъ привалахъ онъ пишетъ исторію своего странствованія.

Вотъ ужь осталась за нашими путешественниками и граница Королевства Польскаго: они въ Венгріи. Дневникъ Барскаго принимаетъ съ этой минуты характеръ полнѣйшаго описанія всего, что представляется умной его наблюда-

тельности. Архитектура и внутреннее устройство домовъ, снабженіе городовъ водою и жизненными припасами, благолѣпіе и чиноположеніе церквей и монастырей, состояніе городскихъ улицъ, памятники и другія мѣстныя рѣдкости—все это вписываетъ онъ въ Дорожникъ свой. 1 Іюня 1724 года Барскій вступилъ въ Вѣну, гдѣ присутствовалъ на праздникѣ *Тѣла Господня*, и видѣлъ Императора Карла VI, который «удобно познаваемъ «былъ отличеніемъ сана и одежды, лицемъ пріятенъ, быстровиденъ и мѣтокъ; возраста же «малаго.» Менѣе чѣмъ черезъ три недѣли передъ нашими путешественниками открылась Италія со всѣми красотами чудной своей природы, со всѣми дивами благородныхъ искуствъ, и наконецъ со всѣми странностями, наружной набожностью и безпечностью ея жителей. Тутъ въ Барлетѣ Барскій разстался на всегда съ своимъ спутникомъ Іустиномъ, покинувшимъ его въ жертву крайней нищетѣ. Сильно огорченный такимъ неблаговиднымъ поступкомъ товарища, Барскій не захотѣлъ уже ни въ комъ искать себѣ друга, и одинъ пошелъ въ далекій путь свой.

Предъ нимъ предстала Венеція.—съ своимъ знаменитымъ Соборомъ св. Марка, съ своими конями и фонтанами—чудомъ искуства. 18 Августа достигъ онъ и Рима, гдѣ имѣлъ честь быть въ числѣ 12 путниковъ, обыкновенно угощаемыхъ на канунѣ великихъ праздниковъ во Дворѣ Папскомъ, и въ ожиданіи приключившейся въ то время конфирмаціи Папы описалъ со всей полнотой и обшир-

ностью царственный городъ древняго міра. Ровно черезъ мѣсяцъ Барскій былъ уже во Флоренціи, откуда опять попалъ въ Венецію. Здѣсь онъ испросилъ себѣ позволеніе остаться на зиму при Греческой церкви; а такъ какъ онъ очень хорошо чувствовалъ, что познаніе одного латинскаго языка слишкомъ недостаточно для путешественника, особенно имѣющаго въ виду Малую Азію, то постарался вступить въ существовавшую тамъ семинарію, чтобы вполнѣ и практически научиться языку греческому. Но къ сожалѣнію, такое усердіе его къ наукѣ не понравилось сожителямъ его въ богадѣльнѣ, гдѣ онъ былъ призрѣнъ самъ Христа ради, и онъ по неволѣ долженъ былъ прекратить ученыя свои занятія, «яко зѣло мя, «говоритъ самъ Барскій, ненавидяху сожителіе «мои въ госпиталѣ, часто со мною сварящися и «премудрымъ мя именующи Соломономъ, насмѣ- «вахуся, и инныя многая пакости дѣяху; множи- «цею бо книжицы моя и писанія школьная вме- «таху въ огнь и прочая несродная твориху.» Послѣ уже, въ Сиріи, онъ довершилъ познанія свои въ Еллиногреческомъ языкѣ, подъ руководствомъ извѣстнаго Триполійскаго педагога, Іеромонаха Іакова. Что же касается до описанія Венеціи, составленнаго въ это время Барскимъ, то оно и нынѣ сдѣлало бы честь иному путнику, особенно если припомнимъ то, что нашъ пилигримъ не имѣлъ у себя подъ руками ни одного Guide des voyageurs, никакихъ ученыхъ замѣтокъ и наблюденій, прежде его сдѣланныхъ. Надобно жь было приключиться такому стеченію обсто-

ятельствъ, чтобы въ бытность Барскаго въ Венеціи въ Дворцѣ Дожей праздновался большой пиръ, который способенъ былъ изумить и не такого простеца, какъ нашъ путникъ. «Зрѣхъ, «говоритъ онъ, еже не зрѣхъ отъ рожденія мо«его, того ради и перомъ изобразити совершен«но не могу, понеже ни оцѣнити, ни распознати «сложенія вещей; разумѣхъ, се токмо глаголю, «яко многія тысящи денегъ къ составленію тре«буетъ, отъ драгихъ бо вещей есть составленъ, «отъ нихъ же суть нѣцыи, яковыи не обрѣтаются «въ нашихъ странахъ, нань же точію посмотрѣти «есть удивительно, честно и преславно; ибо не «простою сочинены яствою, но всѣ яствы въ «лицахъ составлены, еще же персонами прили«чествующими къ ясгвѣ или питію съ подписа«ми, разумно приложенными, или отъ исторіи, «или отъ басней рифмотворческихъ взятыми, яко «то Вакхъ, иже бяше богъ пьянства, яко то «Церера, иже бяше богиня плодовъ земныхъ, и «прочая симъ подобная, еще же, кромѣ фигуръ «человѣческихъ, звѣріе, птицы, рыбы, горы, «дубровы, рѣки, источники, и прочая безчислен«ная отъ ядомыхъ вещей, аки живые содѣланы «суть тамо, чему азъ долго присмотряхся съ вели«кимъ удивленіемъ.» Видѣлъ нашъ путешественникъ и Венеціанскій карнавалъ со всѣми его фейерверками, потѣшными огнями, фокусъ-покусами и другими диковинками, сопровождающими и нынѣ эти языческія вакханаліи. Можно себѣ представить, какими глазами смотрѣлъ на все это уроженецъ строго-христіанской страны, и

какъ наивенъ онъ въ описаніи тѣхъ вещей, которыя превышали его понятія!

А между тѣмъ среди блеска и роскоши, ярко бросавшихся въ изумленныя очи странника, у него самаго не было куска хлѣба. Въ изорванномъ рубищѣ, съ котомкой, потому лишь не пустою, что въ ней хранились драгоцѣнныя его замѣтки, просилъ онъ Христіанской милостыни у людей, безъ мѣры расточавшихъ золото: «обаче, «говоритъ Барскій, болѣе смѣющихся, нежели «дающихъ обрѣтохъ; нѣцыи бо нарицаху мя «схизматикомъ, инны же и еретикомъ и не хо«тяху давати.» Грустны тѣ страницы, на которыхъ описываетъ онъ крайнее оскудѣніе самыхъ необходимыхъ средствъ къ жизни! «Кормихомся, «пишетъ онъ на пути изъ Ленсины въ Корфу, «вареною съ елеемъ крапивою и фасолею, варяще «ее въ морской водѣ, аще и слана и горька «бысть, но не хотѣхомъ просити отъ корабля, «да не стужаемъ имъ; пити же воды отъ моря «не могохомъ, но собирахомъ по каменьяхъ, «ходяще верху холма и смотряще, гдѣ бы можно «обрѣсти мало воды отъ росы и отъ дождя ко«гда падшей, и пихомъ.»

Въ Корфу Барскій пораженъ былъ печальнымъ извѣстіемъ, «яко Благочестивѣйшій нашъ «Монархъ Императоръ Россійскій Петръ Алексѣ«евичъ I, по многотрудномъ и преславномъ сво«емъ житіи, препочи въ мирѣ.» Такъ какъ съ кончиною Великаго Монарха многое перемѣнилось, а другое не установилось въ системѣ взаимныхъ отношеній между державами, то Барскій

промедлилъ нѣкоторое время на Закинѳскомъ островѣ, ожидая болѣе благопріятнаго теченія обстоятельствъ. Занимаясь подробнымъ описаніемъ этой страны, онъ составилъ здѣсь одно и единственное оригинальное стихотвореніе, находимое въ его сочиненіяхъ, и самъ положилъ на музыку, распѣвая потомъ въ грустныя минуты своей странической жизни.

Оставивъ Архипелагъ съ его островами и прошедши Македонію, Барскій вступилъ въ Средиземное море, минуя многіе острова, которые впрочемъ не покидалъ онъ по крайней мѣрѣ безъ нагляднаго описанія, а гдѣ случалось приставать кораблю, тамъ нашъ туристъ немедленно вооружался всѣми средствами, какія подавала ему наука. Близки уже и благословенныя удолія Палестины—предметъ благочестивыхъ стремленій нашего путника; недалеко и Іерусалимъ, гдѣ совершились великія событія всего міра: но передъ этими святыми мѣстами надобно встрѣтиться съ *родомъ невѣрнымъ и развращеннымъ*, неизбѣжно пройти сквозь всю *мерзость запустѣнія*, окружившую Домъ Божій. Послушаемъ разсказъ самаго путника нашего о бѣдахъ, испытанныхъ имъ отъ Турокъ, и посмотримъ, каковъ былъ этотъ народъ почти полтора тому вѣка назадъ.

«Предшедше же отъ Еммауса едину велику «гору, и на низъ спустившеся въ удолъ зѣло «низкій, обрѣтохомъ источникъ хладныя воды, «текущія отъ сподовъ земныхъ, и пихомъ вси «отъ нея жаждущіи съ благодареніемъ, оттуда «же на вышшую паче всѣхъ восходихомъ гору,

«егда же взыдохомъ верьху ея къ тому низу не «спущахомся, но идохомъ, яко полчеса по верьху «горъ, даже до самаго града Іерусалима, како- «вую же бѣду и нужду претерпѣ народъ отъ «безтудныхъ и проклятыхъ Еѳіоповъ, донелѣ же «прейде горы тыя, во истинну изрещи невоз- «можно; егда бо съ перьва начахомъ входити «въ великіе горы и пріидохомъ къ узкому про- «хожденію въ едину долину: тамо предваряюще «насъ многое множество собрася оныхъ, инныи «съ копіями, инные же съ дрекольми, и ставше «на пути возбраняху намъ шествовати, ищуще «отъ насъ *бакшиша* еже есть дара; сопротивляхуся «же много имъ провождающіе насъ, но ничто «же имъ внимаша, ни бо боятся кого, ниже срамъ «имутъ, аще же и дадоша нѣчто отъ денегъ по «преди грядущимъ поклонницы, но не быша «тѣмъ довольны, но грядяху вкупѣ съ нами при «полцѣ и нападаху, всякаго воспящающе мески «и ослы и ищуще отъ коеяжде души по сребрен- «нику, и иже даяху, свободнѣе шествоваху; а «иже или скупости ради, или убожества не да- «яху, тѣхъ попихаху и каменьми толцаху созади; «прешедше же мало паки другіе и совокупившеся «съ первыми горшу бѣду народу творяху, нѣцыи «просяще хлѣба, другіе же пѣнязей, и елико «хотяху творяху; паки егда прейдохомъ, далѣе «инные нападоша, и тако на многихъ и частыхъ «мѣстахъ стояще уготованны и присовокупляю- «щеся народу поклонниковъ вси вослѣдъ грядяху; «собрася же ихъ многое число, едва не равно «съ нами, и твориша пакости людямъ многіе, и

«быша послѣдня горша паче перьвыхъ. Что бо «не дѣлаша беззаконныи! Множицею бо безстуд- «ныи и безсовѣстныи ко единому человѣку при- «хождаху и искаху отъ него бакшишъ, аще уже «не единожды, но и десятицею взята; дотолѣ «же удерживаютъ коня или верблюда или осла, «донелѣ же ему не дастъ сребренника; и аще «отбѣжить единъ прочь, по малѣ другій при- «скочитъ и не оставитъ тя, донелѣ не даси и «тому, потомъ паки инный стужаетъ; таже по «малѣ паки приходитъ тойжде, аки не познава- «емъ и ищетъ сребренника отъ тогожде, отъ «него же взятъ и аще и речетъ ему, яко уже еси «взялъ не единожды, но множицею, то запирается «отнюдь глаголюще, яко еще перьвѣе отъ него «ищеть, и дотолѣ не отступитъ, донелѣ же или «пріиметъ что отъ него, или украдетъ, аще же «не можетъ испросити сребренника, то поне хлѣба «проситъ, да не тощъ *(безъ всего)* оставитъ чело- «вѣка; аще же ниже то получитъ, тогда ударяетъ «или палкою, или каменемъ, и сохраняется ме- «жду полкъ народа *(и прячется въ толпѣ)* и не «познавается, вси бо одинаки ризы носятъ; горе «же намъ бысть, яко ни ополчитися, ни сопро- «тивлятися имъ нимало можахомъ, и раздаяху «множае сребренникъ, нежели человѣковъ было, «и многія пакости пріимаху отъ проклятыхъ «Ѳіоповъ, иже овыхъ подбиваху пястицами *(кула- «ками)*, иныхъ же каменьми, а иже былъ жес- «тока сердца *(не податливъ)* и хотяше сопротив- «лятися имъ, того палица и ножъ коснушася. «О роде невѣрный и развращенный! невѣрный

«воистинну, яко Магометанскій содержитъ законъ;
«развращенный же, яко не токмо никаковыя
«добродѣтели, но ниже человѣческаго нрава, или
«обычая имать. Аще бо бы кто по достоянію
«безчеловѣчное ихъ житіе и обычаи явити вос-
«хотѣлъ бы, омерзѣло бы не токмо пишущему,
«но и чтущему. Во всемъ воистинну путешест-
«вій моемъ таковыхъ мерзостныхъ и злонрав-
«ныхъ людей не случися мнѣ видѣти, и сего
«ради не вѣмъ, кому уподобити ихъ; аще бо
«уподоблю ихъ Фараонитамъ или просто рекши
«цыганамъ, отъ нихъ же и въ странахъ нашихъ
«послѣднѣйшаго народа нѣсть, но кое здѣсь равен-
«ство можетъ быти?... Въ семъ токмо подобны
«суть Фараонитамъ, яко ни въ градѣхъ, ни въ
«весехъ не имутъ своихъ домовъ, но на полѣ
«при пути и окрестъ мѣстъ въ шатрахъ обитаютъ,
«иныя же въ пещерахъ по между горами, аки
«звѣри, но не далече отъ градовъ; ходятъ же
«токмо въ единыхъ рубашкахъ или кошуляхъ;
«жены и дѣти ихъ сандалія на ногахъ носятъ,
«понеже тамо жестоко есть и трудно босому по
«каменѣхъ ходити, и мужіе такожде едины токмо
«хитоны носятъ даже до колѣна, и всякъ имать
«ножъ при поясѣ великъ; вси же по верху
«срачицъ *(рубахъ)* носятъ ризы единакіе пестрые
«отъ ковра или килима простаго, си есть рого-
«жи *(рядна)* сотвенные, отъ нихъ же обыкоша
«купцы мѣхи *(мѣшки)* шити на товары; ни сѣютъ
«же, ни орютъ, ни иный какій трудъ творятъ,
«но отъ монастырей Христіанскихъ пищу испро-
«шаютъ, и многу имъ обиду творятъ. Пища ихъ

«повсядневная хлѣбъ и елей, вина же ни иннаго «питія не вкушаютъ, а елей сице любятъ, яко «хлѣбъ омочающе въ него, ядятъ, аще же имъ «гдѣ случится довольно обрѣсти, то ядятъ и «піютъ, аки волу; не отъ своего же труда пищу «ядятъ, ниже благодѣтелей своихъ почитаютъ, «всегда бо къ монастырямъ приходящи просятъ «хлѣба, и что глаголю—просятъ? Но аки по «должное приходятъ, прошеніе бо ихъ не съ «смиреніемъ, но съ угрозами, и взятіе милостыни «безъ благодарствія бываетъ: сице же неблаго- «дарны суть, яко отъ тѣхъ самыхъ монастырей «инока и знаемаго имъ егда обрящутъ гдѣ на «пути, обнажаютъ даже до послѣдняго хитона. «И кій убо народъ можетъ быти горшій сего, «иже не имать ничтоже въ себѣ похвалы достойно? «Бесѣды бо ихъ мерзостны къ слышанію, зрѣніе «же и хожденіе звѣрское, а не человѣческое; «цѣлованіе же и привѣтствіе, и ядѣніе и піеніе «свинское имутъ, словомъ рещи: всего міра по- «слѣднѣйшій народъ нравомъ и житіемъ, ниже «Бога боятися, ниже человѣковъ срамлятися, «ниже властелинамъ покарятися знаютъ. Въ «градѣхъ бо токмо егда что зло сотворятъ, су- «димы суть отъ Турковъ, понеже яко царство, «тако и власть ихъ тамо; внѣ же градовъ что «хотятъ и могутъ, то творятъ, ниже судящеся, «ниже кого устрашающеся.»

Но вотъ наконецъ путникъ нашъ и въ Іерусалимѣ. Съ какою благоговѣйною радостію ступилъ онъ на землю, облаженствованную присутствіемъ Искупителя міра! «Егда, говоритъ онъ,

«узрѣхъ стѣны града, возрадовахся зѣло и за-«быхъ тѣлесной немощи; дадохъ же абіе славу «Богу, яко сподобилъ мя, по желанію моему, «достигнути тамо.» Само собою разумѣется, что въ настоящемъ случаѣ Барскій весь предался тѣмъ благочестивымъ чувствованіямъ, которыя естественно объемлютъ душу человѣка, при видѣ предметовъ, раждающихъ великія и священныя воспоминанія. Въ теченіи семимѣсячнаго своего тамъ пребыванія, онъ совершалъ путешествія по всѣмъ мѣстамъ, освященнымъ присутствіемъ Богочеловѣка, описывая ихъ съ искреннею любовію, не пропуская ничего, что казалось ему замѣчательнымъ. Историческія и библейскія воспоминанія, преданія, обряды, обычаи, стеченіе народа, занятія богомольцевъ, внутренній порядокъ и устройство обителей и храмовъ, столкновеніе разновѣрныхъ блюстителей мѣстъ святыхъ,—все доставляло обильную пищу плодовитому перу его. «Славлю и благодарю отъ всего «сердца Творца моего и Бога, писалъ онъ, от-«давъ уже послѣдній поклонъ Граду Вышняго,— «яко сподоби мя посѣтити, видѣти же и покло-«нитися мѣстамъ онымъ, яже вочеловѣчившійся «Самъ пречистымъ Тѣломъ и Пресвятымъ Духомъ «освяти, еще же молю, да сподобитъ и прочіихъ «правовѣрныхъ Христіанъ, отъ всего сердца «желающихъ дойти и поклонитися тамо, еже «всесильною Его помощію буди, буди, аминь.»

Черезъ островъ Кипръ Барскій прибылъ въ Египетъ, остановившись на первый разъ въ Каирѣ, гдѣ и занялся описаніемъ всей Египетской страны,

разсматривая какъ древнюю, такъ и новѣйшую ея исторію. Не приходя въ восторгъ отъ пирамидъ и обелисковъ, онъ послѣ наглядныхъ ихъ описаній, прибѣгаетъ къ священнымъ сказаніямъ, стараясь ими объяснить эти громадныя свидѣтельства человѣческаго тщеславія. Но такъ какъ собственно Египетъ мало представлялъ пищи его благочестивой любознательности, то Барскій отправился далѣе въ Каменистую Аравію, откуда воротился опять въ Египетъ и прошелъ въ Сирію. Здѣсь въ первый разъ привелось ему войти въ религіозное преніе о вѣрѣ съ монахами Римско-уніатскаго монастыря Мухалеса близъ Сидона. Это повторилось съ нимъ и въ другомъ монастырѣ св. Іоанна и въ монастырѣ св. Георгія, гдѣ самъ Патріархъ Уніатскій вступалъ съ нимъ въ состязаніе. Для спокойнаго и осторожнаго путешественника было это крайне непріятно: «прѣніемъ о вѣрѣ стужаша ми часто,» говоритъ онъ съ явнымъ неудовольствіемъ.

Въ небольшомъ городкѣ Етлипѣ, что въ Сиріи, Барскій показалъ первый опытъ знанія языка арабскаго, бывъ вынужденъ исповѣдываться на этомъ языкѣ. Путешествуя изъ города въ городъ, изъ веси въ весь, Барскій снова дошелъ до Іерусалима, но на пути къ нему много вытерпѣвъ отъ непогодъ, и особенно отъ лютости и неистовства разбойниковъ, ограбившихъ его до послѣдней одежды и нанесшихъ жестокіе побои, онъ вздумалъ прикинуться юродивымъ. «Безчинствуя и неподобная глаголяй,» нашъ путешественникъ имѣлъ въ виду внушить къ себѣ въ

поклонникахъ Магомета то уваженіе, какое обыкновенно они питаютъ къ полусумасшедшимъ своимъ дервишамъ; а съ другой стороны только этимъ способомъ могъ онъ безплатно вступить въ Іерусалимъ. Снова посѣтилъ онъ всѣ святыя и достопамятныя мѣста, дополняя въ своемъ Дорожникѣ тѣ замѣтки и наблюденія, какія дѣланы были имъ прежде; еще разъ явилась ему святыня Сиріи, Египта и достопримѣчательности Архипелага. На одномъ изъ острововъ—Хіосѣ нашъ путешественникъ вступилъ въ Училище, стараясь извлечь, сколько можно, больше пользы изъ своего путешествія: «и пребывахъ, пишетъ «онъ, въ училищѣ, прилежа граматическому уче«нію шесть мѣсяцевъ.» Ревность и жажда къ познаніямъ не оставляли Барскаго и тогда, когда другой на его мѣстѣ не сталъ бы и думать о томъ. Ежечасныя опасенія со стороны враговъ Христіанства, крайняя скудость и нищета, наконецъ, болѣзни, съ которыми могъ бороться развѣ только такой крѣпкій организмъ, какъ у Барскаго,—ничто не мѣшало ему вездѣ, гдѣ только можно, хоть устами прикасаться къ живительнымъ источникамъ знанія. Вотъ онъ замышляетъ идти къ окрестнымъ мѣстамъ Константинополя, «ради совершенія ученія греческаго;» вотъ онъ идетъ за тѣмъ же въ Патмосъ, гдѣ всѣмъ подаетъ примѣръ необыкновеннаго прилежанія, ибо даже въ минуты необходимаго отдыха «преписова себѣ тетрати для будущаго «употребленія.» Губительная чума застигаетъ его на этомъ островѣ: что же дѣлаетъ Барскій въ

эту годину томительнаго бездѣйствія? «Не имущи «что предуготовлено къ писанію или поученію «Греческаго языка, потрудихся, и собравши отъ «различныхъ грамматикъ Латинскихъ, сочинихъ «едину грамматику латино-греческую, съ распо- «ложеніемъ необычнымъ и съ удобопонятнымъ «сокращеніемъ, елико можно, по желанію и «прошенію случающихся мнѣ любомудрыхъ Гре- «ковъ, изъ нея же можетъ всякъ Грекъ книженъ, «аще и несовершенъ грамматикъ, изучитися со- «вершенно грамматики Латинской; въ ней бо «латинскаго художества поученіе Еллинское, «примѣры же Латинскіе обрѣтаются.» И такъ Барскій теперь самъ уже является учителемъ, побуждаемый къ тому крайнею нуждою: «да «возмогу, говоритъ онъ, пріобрѣсти нѣкій хлѣ- «бецъ и ино что нуждное.» Для этого однихъ упражняетъ онъ въ грамматическомъ ученіи, другимъ преподаетъ греческую грамоту: «трудих- «ся, прибавляетъ онъ,—надъ многими и многихъ «изучилъ чтенія и писанія, но не точію роди- «тели ихъ безсовѣстно не дадоша никаковой мзды, «но безчествоваша мя и ругаша, яко же хотѣша.» Не смотря ни на что, честный и благородный труженикъ шесть лѣтъ пробылъ въ Патмосѣ, мѣняя роли свои, то изъ ученика становясь учи- телемъ, то изъ учителя ученикомъ. «Пройдохъ, «говоритъ онъ, Граматическое ученіе, Логику и «полъ Физики; Риторику же оставихъ, слабой «ради моей памяти и не могуще понести вели- «кихъ трудовъ ради прискорбнаго житія. Благо- «дарю же Всемудраго Бога за таковое просвѣ-

«щеніе, яко не допусти мя погубити всуе толи-«кое время, но сподоби мя потрудитися за ду-«шевное спасеніе на пользу братіи и ближнихъ «нашихъ и на честь Отечеству моему.»

Въ бытность свою въ Дамаскѣ, Барскій пріобрѣлъ такъ много любви отъ всѣхъ окружавшихъ его, и особенно отъ Патріарха Сильвестра Антіохійскаго, что сей послѣдній никакъ не соглашался отпустить его и уговаривалъ навсегда остаться при немъ въ качествѣ друга и собесѣдника. Вѣжливо отклонилъ отъ себя нашъ путешественникъ такое обязательное приглашеніе Святѣйшаго Архипастыря, но на вѣчную память принялъ отъ него санъ монашескій. 27 Декабря 1733 года Барскій рукоположенъ былъ Патріархомъ въ иподіакона съ переименованіемъ въ Стефана въ честь и память св. Первомученика; а въ первый день новаго 1734 года, по желанію своему, оставленъ съ прежнимъ именемъ Василія, «ради помощи и заступленія отъ Святителя Христова.» Въ честь и воспоминаніе этого событія, новопостриженный инокъ сложилъ на греческомъ языкѣ два похвальныя слова: одно св. Василію Великому, а другое самому Патріарху, которыя и произнесъ, въ день постриженія своего, въ монастырской трапезѣ. Черезъ нѣсколько времени онъ вздумалъ еще отблагодарить Патріарху и написалъ въ честь его слово на языкѣ Еллинскомъ. Кромѣ этого, Барскій нарисовалъ для благодѣтеля своего большую картину, изобразивъ на ней Патріаршій дворъ и городъ Антіохію, да еще выгравировалъ «со

многимъ трудомъ и прилежаніемъ» двѣ доски для печатанія разрѣшительныхъ грамотъ. Ничего нѣтъ мудренаго, что Патріархъ не хотѣлъ разстаться съ такимъ образованнымъ и дѣятельнымъ человѣкомъ: «любяше мя, говоритъ Барскій, до «зѣла, якоже отецъ своего сына и не хотяше «мя отпустити отъ себе, но принуждаше мя жити «съ нимъ, обѣщая мя почтити высокою честію.» Но не для спокойнаго житья, не для почестей избралъ себѣ Барскій такой тяжкій и многотрудный путь. Не смотря на просьбы и убѣжденія Патріарха, онъ остался непреклоннымъ, и снова пустился странствовать, напутствуемый благословеніями Архипастыря и благожеланіями знавшихъ и уважавшихъ высокія его достоинства.

Замѣчательна отважность, оказанная Барскимъ въ Дамаскѣ, которая легко могла стоить ему жизни. Въ этомъ городѣ есть огромная мечеть, обращенная изъ христіанскаго храма. Турки имѣютъ такое уваженіе къ этому мѣсту, что еще въ подворьѣ снимаютъ съ себя обувь, и ни подъ какимъ видомъ не позволяютъ проникать во внутренность мечети неисповѣдающему вѣры магометанской; виновнаго въ нарушеніи такого постановленія Христіанина они сожигаютъ на кострѣ, если только онъ не отречется отъ креста. Барскій зналъ все это очень хорошо, и при всемъ томъ рѣшился во что бы то ни стало, видѣть внутренность храма, который такъ поражалъ его извнѣ своимъ изяществомъ и великолѣпіемъ. Разсчитывая на нищенскій свой видъ и раздранныя рубища, по которымъ онъ могъ быть при-

нятъ за дервиша, Барскій входитъ въ мечеть, проводитъ тамъ цѣлые полчаса, расхаживая туда и сюда и осматривая все замѣчательное. Къ счастію никто не обезпокоилъ его ни вопросомъ, ни пытливымъ взоромъ. Напившись изъ колодезя, находящагося внутри храма, Барскій спокойно вышелъ вонъ. Читая описаніе этой мечети въ Дорожникѣ Барскаго, отличающееся особенною точностію и подробностію даже въ мелкихъ видахъ, невольно удивляешься отважности христіанина—путешественника, который однимъ своимъ любопытствомъ могъ измѣнить себѣ и поплатиться за это жизнію.

Когда Барскій находился еще на островѣ Патмосѣ, всей душой предаваясь ученымъ занятіямъ, то къ нему было изъ Константинополя отъ Россійскаго Резидента А. А. Вѣшнякова письмо, которымъ онъ просилъ его немедленно прибыть въ Царьградъ, «понеже, какъ было «сказано въ томъ письмѣ, здѣсь въ персонѣ ва«шей особливо не безъ нужды есть.» Сильно встревожило это тогда нашего ученаго и благочестиваго путешественника, ибо ему не хотѣлось отрываться отъ любимыхъ своихъ занятій: но дѣлать было нечего. Барскій сталъ готовиться къ отъѣзду, ибо Резидентъ бралъ на себя всѣ путевыя издержки, и 31 Декабря 1743 года прибылъ въ Царьградъ. Принятый Вѣшняковымъ съ отличнымъ уваженіемъ и внимательностью, Барскій имѣлъ честь быть вмѣстѣ съ Резидентомъ у Верховнаго Визиря на аудіэнціи. Описаніе этого

весьма интересно; передаемъ его съ возможной близостію къ разсказу нашего путешественника.

Это было въ Рождественскія святки на новый 1744 годъ. Резидентъ Вѣшняковъ имѣлъ нѣкоторую государственную надобность къ Визирю, и получилъ отъ него приглашеніе быть на аудіэнціи на канунѣ Богоявленія Господня. По принятому въ то время обычаю, нашъ посолъ долженъ былъ отправиться съ полною свитою, въ которой необходимо было присутствовать и Настоятелю Русской Церкви; но такъ какъ это было на канунѣ великаго праздника, и Настоятель, по обязанности своей, долженъ былъ отправлять всенощную и готовиться къ Литургіи, то Вѣшняковъ вмѣсто его пригласилъ съ собою Барскаго. «Азъ же, говоритъ нашъ путешествен«никъ, съ радостію послушахъ, не чести ради и «почтенія, но болѣе любопытства ради и зрѣнія «онаго чина и обычая и описанія ради оной «церемоніи.» Резидентъ, въ сопровожденіи переводчиковъ, чиновниковъ его канцеляріи, *учениковъ* и слугъ, шествовавшихъ въ парадныхъ одеждахъ къ морскому берегу Галаты или Перы «немалое разстояніе» по два въ рядъ, вступилъ на приготовленное судно и переѣхалъ въ Царьградъ. На самомъ берегу, по распоряженію Визиря, приготовлены были осѣдланные «упешренные кони съ уздами посеребренными» на которые и были посажены слугами Резидентъ и его свита. Такимъ порядкомъ они доѣхали до двора Визирскаго. Барскій замѣчаетъ, что «край стѣны двора «Сулганскаго, идѣже есть горница на сіе устроен-

«на, откуда тайно Султанъ, по обычаю своему, «на таковыя смотритъ церемоніи.» Въѣхавъ во дворъ и отдавъ коней подъ присмотръ назначенной для этого прислуги, Резидентъ со свитою вошелъ въ палаты Визирскіе, устланные коврами. Пріемная зала была уже наполнена Турецкими чиновниками, которые всѣ стояли, исключая Визиря, сидѣвшаго на софѣ. При входѣ Резидента, Визирь всталъ съ своего мѣста и послѣ привѣтствія усѣлся по прежнему «въ начальномъ углѣ Палаты,» а Резиденту предложилъ кресло противъ себя; всѣ прочіе безъ исключенія остались на ногахъ. Въ эту минуту предстоявшіе Турки громогласно привѣтствовали Резидента. Съ лѣваго боку Визиря стоялъ Султанскій толмачъ, который «бесѣды Визиря къ Резиденту, и отвѣты «Резидентовы къ Визирю искусно съ камплемен«тами толковаше,» разговаривая съ Визиремъ на языкѣ Турецкомъ, а съ Резидентомъ на французскомъ или итальянскомъ. Послѣ оффиціальныхъ привѣтствій поднесенъ былъ Визирю въ хрустальной чашѣ шербетъ, «питіе отъ многихъ сладостей «растворенное съ благоуханіями;» откушавъ до половины, при заздравномъ восклицаніи Турокъ, онъ подалъ чашу Резиденту, который испивъ не много, отдалъ ее слугѣ. Затѣмъ началась церемонія султанскихъ подарковъ: Резидента облачили въ широкую суконную шубу, подбитую соболями, а знатнѣйшихъ изъ его свиты въ почетные кафтаны или *кавады*, «подаваемыя отъ «Двора Султанскаго и Визирскаго, почести ради «Патріархамъ, егда поставляются, и Господаремъ

«Волоскимъ, егда пріемлютъ власть, Посламъ и «Резидентамъ, приходящимъ какъ къ Султану, «такъ и Визирю, за нѣкіимъ Царскимъ дѣломъ, «наипаче же, замѣчаетъ Барскій, и вымыслы «суть ради сторичествующаго имъ въ благодар- «ствіи прибытка, иже воздается имъ отъ пріем- «лющихъ оную честь: лукавы бо Бесурмане есте- «ственно, ласкательны, сребролюбивы и лице- «мѣры.» Внимательный и все замѣчающій нашъ путешественникъ подробно описываетъ матерію, покрой и самую цѣнность одежды, въ которую и его облачили, «поверху рясы и клобука. Срам- «ляяся, говорить онъ, до зѣла: но что имѣхъ «творити? Понеже на бракъ званъ быхъ, не «приличествоваше ми сѣтовати.» По окончаніи этой церемоніи вынесена была Султанская грамата для отсылки къ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, «тогда новокоронованной о нѣкіихъ «нуждныхъ Царскихъ дѣлахъ, о нихъ же не «лѣть есть намъ испытовати.» Визирь принялъ эту грамату, и облобызавъ ее передалъ Резиденту, а Резидентъ Капитану, отправляющемуся нарочнымъ въ Россію, которому тутъ же врученъ былъ и паспортъ для свободнаго проѣзда. Громогласное восклицаніе присутствовавшихъ Турокъ было сигналомъ окончанія аудіэнціи. Вышедши изъ Палатъ въ полномъ парадномъ одѣяніи, вся свита прежнимъ порядкомъ доѣхала до берега, гдѣ сдавъ прислугѣ коней, съ прибавкой обычной награды, разоблачилась отъ Визирскихъ подарковъ и отправилась домой пѣшкомъ, исключая Резидента, который ѣхалъ на конѣ и въ

подаренной Визиремъ шубѣ, у воротъ Резидентскихъ уже стояла толпа жидовъ, которые обыкновенно скупаютъ такіе визирскіе подарки, перепродавая ихъ потомъ съ небольшимъ барышомъ въ туже гардеробную, откуда они вышли. Черезъ нѣсколько часовъ ко двору Резидента явились сначала трубачи Султанскіе, потомъ Визирскіе, потомъ отъ другихъ главнѣйшихъ сановниковъ Турецкихъ съ привѣтствіемъ и съ нестерпимой музыкой, «и всѣ наполниша руки сребромъ и златомъ.»

Между тѣмъ Барскій все еще не зналъ, для какой надобности его вызвали; особеннаго дѣла ему не было, кромѣ пѣнія и чтенія въ Посольской церкви; да иногда Резидентъ заставлялъ его перевести что либо съ Еллиногреческаго языка на Славянскій. Окружающіе говорили, что его хотятъ сдѣлать настоятелемъ Посольской церкви, но Барскій заранѣе отказывался отъ этого, готовясь сказать самому Резиденту тысячу уважительныхъ причинъ: но къ удовольствію его, ничего подобнаго не случилось. Умный и образованный Вѣшняковъ, разсмотрѣвъ путевыя записки и рисунки Барскаго, по первой же его просьбѣ, отпустилъ въ путь, снабдивъ всякаго рода документами для свободнаго проѣзда всюду, куда бы онъ ни пожелалъ, и нашъ путникъ снова очутился на волѣ, «ступаніемъ своимъ и пядію мѣряя» широкую землю.

Во второй разъ предсталъ предъ нимъ священный Аѳонъ съ своими достопримѣчательными монастырями, и цѣлый годъ занимался Барскій

описаніемъ его, разбирая хартіи, привиллегіи, достопамятности и церковную обрядность. Аѳономъ и кончились его путевыя записки. Отсюда, въ 1745 году, ходилъ онъ въ знатнѣйшія греческія области: Эпиръ, Критъ и Левадію; въ половинѣ же 1746 года прибылъ въ Царьградъ, но засталъ тамъ Россійскимъ Резидентомъ уже не Вѣшнякова, а А. И. Неплюева, который уже не такъ благосклоненъ былъ къ Барскому и причинилъ ему много непріятностей до того, что даже приказалъ было отправить его въ Петербургъ Чернымъ моремъ подъ строжайшимъ карауломъ. Барскій успѣлъ какъ-то выпутаться изъ этой бѣды, и пошелъ сухимъ путемъ черезъ Румелію, Болгарію, Валахію, Молдавію и Польшу.

Пора ужь было неутомимому путнику и опочить отъ великихъ трудовъ своихъ. Двадцать четыре года ходилъ онъ по странамъ чужимъ, претерпѣвая и зной и холодъ, и голодъ и жажду; тысячи городовъ, селъ и весей улеглись въ его Дорожникѣ на вѣчныя времена,—и будетъ о чемъ вспомнить и поразсказать Барскому на святой своей родинѣ.

Сентября 2-го 1747 года жители Кіева видѣли какого-то странника, спѣшно идущаго по узкимъ улицамъ Стараго города. Статный, сильный и высокій ростомъ, онъ совсѣмъ бы похожъ былъ на Грека, еслибъ короткій носъ не обличалъ южнорусскаго его происхожденія. Черные, какъ смоль, волосы на головѣ и бородѣ, безъ малѣйшей сѣдины, широкія и густыя, почти сросшіяся брови, быстрые, каріе глаза, смуглый цвѣтъ

лица невольно бросались въ очи каждому встрѣчавшемуся Кіевлянину. (а) Съ какимъ-то радостнымъ видомъ остановился путникъ предъ величественнымъ храмомъ св. Софіи, и преклонилъ во прахъ слезящее лицо свое съ горячею молитвой и крѣпкимъ знаменіемъ креста. Тоже сдѣлалъ онъ, обратясь и къ другой древнѣйшей святынѣ Кіева, гдѣ почіютъ нетлѣнныя мощи св. Великомученицы, и за тѣмъ быстро пошелъ крутымъ Андреевскимъ спускомъ. Вотъ ужь онъ близъ Подольскаго Успенскаго Собора; вотъ онъ входитъ въ домъ, вѣроятно, знакомый ему. Его встрѣчаетъ старушка, и не можетъ узнать въ возмужавшемъ и загорѣломъ странникѣ когда-то юнаго и любимаго сына своего Василія....

Но не долго порадовалась мать на своего любимца, не наглядѣлся и онъ на родныхъ и близкихъ своихъ, на родимый свой Кіевъ и драгоцѣнную Академію. Распухшія ноги отъ долгаго и утомительнаго странствованія были только внѣшнимъ признакомъ болѣзни, сокрушившей его мощную натуру. Поживъ всего тридцать пять дней въ отеческомъ домѣ, Василій Григорьевичъ Григоровичъ-Барскій скончался 7 Октября 1747 года.

Прибытіе знаменитаго путешественника въ Кіевъ было для всѣхъ общею новостью; всѣ хотѣли видѣть его, и увидѣли—но только во

(а) Описаніе наружности Барскаго да малѣйшей подробности согласно съ описаніемъ, составленнымъ роднымъ братомъ его Иваномъ Григоровичемъ Барскимъ. См. книгу Путешеств. Барскаго. Изд. 1778 г. стр. 10 въ Предисловіи.

гробѣ. Митрополитъ Рафаилъ Заборовскій самъ хотѣлъ почтить память усопшаго отпѣваніемъ его тѣла: но по причинѣ болѣзни, скоро и его самаго низведшей въ могилу, не могъ осуществить своего желанія. Погребеніе Барскаго было совершено Макаріемъ, митрополитомъ Ѳиваидскимъ, бывшимъ въ то время въ Кіевѣ и Ректоромъ Академіи, архимандритомъ Сильвестромъ Ляскоронскимъ. Тѣло Барскаго, при колокольномъ звонѣ во всѣхъ Кіевскихъ церквахъ на Подолѣ было препровождено въ Братскій Богоявленскій монастырь многочисленнымъ собраніемъ народа и студентами, предшествовавшими гробу въ нарочитомъ порядкѣ. Во время самаго обряда погребенія отличнѣйшіе ученики изъ осьми латинскихъ классовъ говорили надъ нимъ надгробныя рѣчи, какъ надъ достойнѣйшимъ воспитанникомъ Академіи. Вмѣсто обыкновенной разрѣшительной молитвы въ гробъ Барскаго положена прощальная грамата, напечатанная по славянски въ Іерусалимѣ съ собственноручной подписью тамошняго Патріарха Хрисанѳа.

Въ запискѣ, оставленной роднымъ братомъ нашего путешественника, Василій Барскій представленъ, кромѣ извѣстной уже намъ наружности, человѣкомъ веселаго характера, обладавшимъ непреодолимою страстію къ наукамъ и художествамъ, и особенно къ рисованію. Желаніе путешествовать родилось въ немъ еще въ дѣтскихъ лѣтахъ; для этой цѣли онъ преимущественно изучалъ то, что въ послѣдствіи могло ему понадобиться.

На чугунной доскѣ, вдѣланной, противъ самаго надгробнаго памятника Барскому, въ стѣну Братской Богоявленской Церкви, изображена слѣдующая надпись, сочиненная Рубаномъ.

Того Василія сей покрываетъ камень,
Въ душѣ котораго возжегшись Вѣры пламень,
И лучъ премудрости снизшедъ къ его уму,
Святыя посѣтить мѣста влилъ мысль ему:
Онъ, вдохновеніямъ Божественнымъ внимая,
Чрезъ двадцать слишкомъ лѣтъ ходя въ край изъ края,
На сушѣ и моряхъ зла многа претерпѣлъ,
И все то замѣчалъ подробно, что ни зрѣлъ,
За свято имутъ что и Римляне и Греки,
Чѣмъ древни славились и нынѣшніе вѣки,
Церквей и монастырей и градовъ красоту,
Удолій глубину, горъ знатныхъ высоту,
Ступаніемъ своимъ и пядію измѣрилъ,
И чрезъ перо свое Отечество увѣрилъ
О маловѣдомыхъ въ подсолнечной вещахъ;
И побезчисленныхъ окончивъ жизнь трудахъ,
Оставилъ бренные составы здѣсь тѣлесны,
А духъ его прешелъ въ селенія небесны.
Читатель, ты его слезами прахъ почти,
И трудъ путей его съ вниманіемъ прочти.

2007465647